

О.Ю.Артемова

*А.М.Золотарев:
трагедия советского ученого*

Александр Михайлович Золотарев родился в 1907 г. и трагически погиб в 1943-м. Он прожил короткую, но чрезвычайно насыщенную трудами и событиями жизнь. Прекрасное образование (политэкономическое, историческое, этнологическое и археологическое), которым он был обязан главным образом самому себе, недюжинное исследовательское дарование, исключительная работоспособность и страстное трудолюбие, энтузиазм молодости и смелая готовность браться за решение самых разнообразных научных задач, а также за изучение фактического материала необычайно широкого спектра, склонность к научным спорам и настойчивый полемический задор, увлеченность преподавателя и неутомимость собирателя полевых данных — все это сделало его одной из самых ярких фигур предвоенной отечественной этнологии, особенно той ее отрасли, которая называлась историей первобытного общества.

Ему довелось активно работать немногим более десяти лет. Он начал публиковаться в 1928 г. А в июле 1941 г. — ему было всего 34 года — ушел на фронт. Тогда его научная деятельность оборвалась навсегда. В октябре 1941 г. он оказался в плену. Потом героически бежал, добрался до своих и успел написать воспоминания о 35 днях фашистского плена. И вскоре — за отвагу и самоотверженность, как и великое множество его соотечественников, которым выпала горькая доля побывать в плену у немцев, — А.М.Золотарев был заключен в сталинский лагерь строгого режима, где и погиб.

Но сколько же он успел сделать! Первая его публикация вышла, когда ему был 21 год¹. В 24 года он опубликовал первую монографию. Она была небольшая. Но на какую тему? «Происхождение экзогамии»². И до него и после корифеи этнологии объявляли эту проблему неразрешимой.

К 1941 г. было опубликовано около двадцати статей, более десятка рецензий, три небольшие книги, а также одна объемная и, наконец, была готова докторская диссертация (около 30 а. л.). Помимо того, в его личном архиве осталось не менее десяти законченных или почти законченных работ, статьи внушительных размеров и одна монография (листов 10—12)³, а также немало заготовок для задуманного на будущее и масса конспектов трудов иностранных и отечественных коллег. При этом разброс тем таков: от каменных орудий австралийских аборигенов до религии ульчей, от этногенеза народов «Амеразии» до общественного строя античной Спарты, от пережитков матриархата в Сибири до пережитков родового строя в Древнем Египте, от происхождения оленеводства до происхождения дуальной организации, от тотемизма в Америке до близнечного культа в Полинезии и т.п.

Далее, в течение тех же десяти лет А.М.Золотарев совершил несколько этнографических и археологических экспедиций. Параллельно он интенсивно преподавал в ряде высших учебных заведений Москвы и Ленинграда. Читал лекции по этнографии народов мира и народов СССР, вел спецкурсы и «семинарии» по этнографии Австралии, Океании, Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Америки и еще — по общим проблемам изучения систем родства и первобытной религии. О степени тщательности подготовки к этим занятиям свидетельствуют многочисленные исписанные аккуратным мелким почерком тетради с полными текстами лекций и подробными планами семинаров, сохранившиеся в его личном архиве.

В этот перечень дел и трудов входит еще и активнейшее участие во всяческих научных заседаниях, встречах и конференциях, которых было множество.

При такой одаренности и такой почти неправдоподобной интенсивности работы общий вклад А.М.Золотарева в развитие отечественной науки и гуманитарного знания — прежде всего в изучение ранних форм социальной эволюции и в этнологическую теорию в целом — не мог не быть чрезвычайно весомым. Не восхищаться тем, что Александр Михайлович сумел сделать за столь малые сроки, нельзя, но и оценить однозначно невозможно. Чтобы это понять, следует собрать воедино все имеющиеся биографические сведения о нем, а также совершить небольшой экскурс в историю развития этнологической науки.

* * *

О жизни А.М.Золотарева известно немного. Это в основном необширные воспоминания его сына — Дмитрия Александровича Золотарева. Ему было всего 11 лет, когда он расстался с отцом

навсегда. Любезно согласившись встретиться, Д.А.Золотарев поделился со мной тем, что сохранилось в его памяти, а также показал мне семейный фотоальбом и предоставил фотографии для этой публикации.

Существуют, кроме того, две стандартные автобиографии, которые сам А.М.Золотарев писал при поступлении в государственные учреждения⁴, его краткие служебные отчеты, а также многочисленные документы отдела кадров в Архиве Института истории материальной культуры (АИИМК)⁵. Наконец, некоторые сведения удалось почерпнуть из отрывочных устных воспоминаний коллег.

Александр Михайлович родился 1 июня 1907 г. По словам сына, это произошло в Елисаветграде (впоследствии Кировограде), по автобиографиям — в Харькове. Верно первое: в Харькове он получал паспорт и по какой-то неясной причине этот город был указан как место рождения. А.М.Золотарев воспитывался в семье интеллигентных родителей — Михаила Осиповича Золотарева и Генриетты Яковлевны Золотаревой (урожденной Гаркави). Отец его был инженером, до революции работал на различных заводах Харькова, Николаева, Москвы и Петербурга, после революции — в различных советских учреждениях в Кировограде, Харькове и Москве. Мать не работала, она происходила из семьи людей образованных и имевших широкие гуманитарные интересы. Родственные узы связывали ее с семьями Ю.Тынянова и И.Эренбурга.

Начал учиться Золотарев в Харькове еще в гимназии — в подготовительном и в первом классах, продолжал обучение в семилетней трудовой школе. В конце 1921 г. семья переехала в Москву, где он в 1924 г. окончил девятилетку. В 1926 г. А.М.Золотарев поступил на технологический факультет Института народного хозяйства имени Плеханова. Затем перешел на экономический факультет того же института. Усердно, по его собственным словам, занимаясь политэкономией и философией⁶, он увлекся историей первобытной культуры⁷. Это потребовало усиленного изучения этнографии и археологии. На четвертом курсе Александр Михайлович оставил Институт имени Плеханова. Высокого профессионализма в области изучения древнейших и бесписьменных культур он достиг в первую очередь путем самообразования. Очевидно, благодаря еще не устоявшимся правилам послереволюционной научной жизни ему удалось в 1930 г. поступить по конкурсу в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в Ленинграде. В качестве вступительной работы им было представлено на конкурс упоминавшееся уже «Происхождение экзогамии», которое вскоре было опубликовано в «Известиях ГАИМК».

В 1930—1932 г. Золотарев жил в Ленинграде, учась в аспирантуре. Работал над проблемами ранней эволюции человеческого общества, участвовал в этнографических и археологических экспедициях — в 1930 г. в Волжской палеолитической, в 1931 г. в Амурской этнографической — и преподавал на правах ассистента в Ленинградском институте философии, литературы и истории (ЛИФЛИ). Закончив аспирантуру, переехал в 1932 г. в Москву. Работал в Институте антропологии МГУ, затем — сверхштатным сотрудником в ГАИМК — как сказано в официальных архивных документах, «по доклассовому сектору совместно с В.К.Никольским и В.И.Эдинг»⁸. Согласно тем же документам, 8 октября 1937 г. Золотарев был «освобожден от службы в ГАИМК». Причина не указана⁹. После этого он работал «штатным доцентом» в Московском областном педагогическом институте, в марте 1939 г. был снова зачислен в московское отделение ГАИМК, преобразованной к тому времени в Институт истории материальной культуры АН СССР (ИИМК)¹⁰. По устным сообщениям коллег, перед самой войной А.М.Золотарев был штатным преподавателем на кафедре этнографии исторического факультета МГУ.

Параллельно в разное время Александр Михайлович преподавал в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), в Воронежском педагогическом институте и других учебных заведениях. В 1934, 1936 и 1940 гг. совершил — уже в качестве руководителя — три этнографо-археологические экспедиции: две на Амур и одну в Ханты-Мансийский национальный округ.

А.М.Золотарев был активным членом секции этнографии и археологии при Институте антропологии МГУ, а также научно-исследовательской группы при Комитете Севера (наряду с такими учеными, как М.О.Косвен, М.Г.Левин, С.А.Токарев и др.)¹¹.

Степень кандидата исторических наук была присвоена Золотареву только в марте 1937 г. — в МИФЛИ, без защиты диссертации. Очевидно, там же он получил звание доцента по древней истории¹². Накануне войны Александр Михайлович закончил докторскую диссертацию о дуальной организации и ее отражении в мифологии бесписьменных и древних обществ¹³. Готовился к защите. Имел семью: жену и двух сыновей.

В июле 1941 г., предварительно отправив семью в эвакуацию в Ташкент, Александр Михайлович ушел на фронт, поступив добровольцем в народное ополчение вместе с другими сотрудниками МГУ. После разгрома ополчения наступающими немецкими войсками он продолжал сражаться на подступах к Москве как боец 975-го артиллерийского полка 8-й стрелковой дивизии. 4 октября 1941 г., находясь в окружении, Золотарев попал в плен вместе с группой бойцов этой дивизии¹⁴.

О пребывании А.М.Золотарева в плену мы знаем по его собственным драматическим воспоминаниям, опубликованным в марте 1942 г. в журнале «Смена». Приводим выдержки из этой публикации.

«Тридцать пять дней пробыл я в плену врага. За это время я побывал в трех лагерях для военнопленных: в деревне Стайке, в Ельне и в центральном Смоленском лагере. Мне удалось бежать <...> Восемнадцать дней шел я затем по оккупированной территории, пробираясь глухими дорогами и волчьими тропами к родной Красной Армии. Картины и сцены, свидетелем которых мне пришлось быть, глубоко потрясли меня. Негодование и ненависть, смертельную ненависть к озверелому врагу вызовут они в сердцах каждого человека. То, о чем я здесь рассказываю, истина печальная и страшная <...>

Положение красноармейцев в немецком плену настолько тяжело, что едва ли можно найти в истории подходящую аналогию. Ни римские рабы, ни крепостные не были столь бесправны, как русские бойцы в плену фашистских захватчиков. Быть может, только самые свирепые из пиратов, перевозивших в начале XIX века негров-рабов из Африки в Америку, обращались со своими жертвами так, как фашисты обращаются с красноармейцами <...>».

Голод, страдания и унижения, сцены массовых расстрелов обессиленных советских бойцов... Непреклонное намерение бежать созрело у Золотарева и одного из его товарищей в первые же дни плена. Но осуществить его, находясь в лагере, было невозможно, только при переезде в Оршу, куда военнопленных повезли на центральный распределительный пункт, они сумели ночью «с помощью заранее припасенных напильников и обломка косы бесшумно откинуть крюк, которым снаружи замыкались двери теплушки, и выскочить на ходу <...>».

«В первой же деревне, в которую мы забрели, — продолжает Александр Михайлович, — нас приняли как родных: напоили, накормили, дали одежду, указали, куда надо держать путь, чтобы не наткнуться на немецкий патруль. Восемнадцать суток мы шли по родной земле, занятой врагом. Но ни одной ночи не провели под открытым небом, ни одного дня не были голодны: всюду, несмотря на строжайшие запреты немецкого командования, нам оказывали помощь, давали советы. Чего мы только не насмотрелись за это время!.. Смерть и разрушение царят в местах, где еще совсем недавно жизнь была ключом <...> Но чем свирепее и наглее хозяйничают фашисты на оккупированной земле, тем упорнее становится сопротивление советского народа <...> Земля горит под ногами захватчиков. Скоро она, наша свободная совет-

ская земля, сбросит с себя кошмар фашистского ига <...> Этот желанный час уже близок»¹⁵.

Преданному и мужественному солдату не нашлось места на «свободной советской земле» и до «желанного часа» ему дожить не пришлось. После перехода через линию фронта он был направлен лектором в политчасть 145-го запасного артиллерийского полка, приезжал в Москву, побывал на своей квартире, встречался с сослуживцами и, как уже упоминалось, написал статью для журнала «Смена». Однако 26 февраля 1942 г., незадолго до выхода в свет этой статьи, Александр Михайлович был арестован органами военной контрразведки. Оказалось, что нашлся свидетель, который заявил, что Золотарев, возможно, был завербован немцами. В обвинительном заключении говорилось, что он «является весьма подозрительным в шпионской деятельности в пользу немецкой разведки». 2 сентября 1942 г. Особое совещание при НКВД приговорило его по статье 58—1 «б» УК РСФСР к 10 годам лагерей «за измену родине»¹⁶. Александр Михайлович умер 6 апреля 1943 г. от авитаминоза и общего истощения в лагере, расположенном в Ухте Коми АССР, — за два года до окончания войны. 29 июля 1957 г. военный трибунал Московского военного округа отменил постановление Особого совещания в отношении А.М.Золотарева, дело о нем прекратил «за отсутствием состава преступления» и реабилитировал его посмертно¹⁷.

Ученые старшего поколения рассказывают, что на кафедре этнографии МГУ, руководимой С.П.Толстовым, имелась рукопись конспектов лекций А.М.Золотарева и после войны студенты свободно ею пользовались, что было нетипично для тех времен. Вообще его имя и его труды — в отличие от имен и трудов других репрессированных ученых — не подвергались беспощадным гонениям в сталинскую эпоху, хотя многие из его достижений замалчивались до начала 60-х годов. Его архивами пользовались, его идеи заимствовали, но на него почти не ссылались и не отдавали ему должного в печати. В то же время в «устной традиции», бытовавшей среди отечественных этнологов и археологов, его образ высоко чтился.

* * *

А.М.Золотарев начал интенсивно работать в период жестокого перелома в советской внутривластной обстановке и научной жизни¹⁸. Человеку молодому, талантливому, широко эрудированному и чрезвычайно активному почти невозможно было в тех условиях одновременно реализовать свое дарование, сохранить духовную целостность и уцелеть физически. Его творчество раз-

вивалось на основе дореволюционного нравственного и интеллектуального багажа российской интеллигенции и в то же время на фоне грубого идеологического давления на нее и массовых репрессий. Вместе с тем оно развивалось в эпоху искренних поисков новых идеалов и истин, в эпоху подлинной веры в возможность достижения социальной справедливости. Эти искания и вера в полной мере захватили и Золотарева в его молодые годы. Равно близко коснулись его идеологический прессинг, а также политические гонения, которым подвергались родственники и друзья ученого с конца 20-х годов.

Как и многие другие выходцы из интеллигентных семей, он увлекся идеями, оппозиционными партийной группировке, набравшей силу в стране, и, как многие, был за это преследуем.

На первом курсе Плехановского института он, по его же словам, «вступил в кандидаты РКСМ. Во время партийной дискуссии 1927 г. имел троцкистские колебания и голосовал на комсомольском собрании за резолюцию оппозиции. Через несколько дней подал в Бюро ячейки РКСМ заявление с осуждением троцкизма и признанием своей ошибки. В январе 1928 г. по постановлению XV съезда был исключен из кандидатов РКСМ»¹⁹.

После этого ни в комсомоле, ни в компартии Золотарев никогда не состоял. Однако во всех своих публикациях он подчеркнуто выражал преданность идеалам коммунизма, марксистской научной методологии и другим установкам, предписываемым советскому ученому, что тем не менее, как мы убедимся далее, не уберегло его от суровых идеологических нападков особенно рьяных коллег — этнографов и историков.

Советской этнологии (в той ее части, которая была связана с изучением ранних этапов социальной эволюции) досталось солидное наследство от дооктябрьской эпохи. Первобытной историей интересовались и ее разрабатывали крупнейшие русские ученые, блестяще образованные, свободно читавшие научную литературу как минимум на трех европейских языках, сотрудничавшие лично во время длительных периодов работы за границей с иностранными учеными, ведущие с ними обширную переписку, выписывавшие в Россию множество зарубежных изданий и регулярно следившие за событиями современной им международной научной жизни, а также научными дискуссиями за рубежом.

Именно стремлением быть в курсе всех идейных направлений мировой этнологии и шагать с ней в ногу объясняется то странное, казалось бы, обстоятельство, что русские этнографы, практически лишенные возможности вести полевые исследования среди аборигенов Австралии, индейцев Америки, африканских,

южноазиатских, океанийских и других «экзотических» народов, уделяли им огромное внимание, пользуясь чужими материалами — литературными источниками. Дело в том, что австралийские, американские, африканские и тому подобные этнографические данные служили и продолжают служить почвой для теоретических построений, касающихся ранних этапов социальной эволюции, а также для сближения с западной наукой. Ведь она развивалась в первую очередь на этих материалах, и никакое взаимодействие, никакая теоретическая полемика с ней невозможны без анализа тех конкретных этнографических данных, которыми она питалась и питается. Именно поэтому в предшествующий Октябрьской революции период развития русской этнологии не существовало не только барьера, но даже сколько-нибудь заметной границы между нею и западной этнологией (социальной/культурной антропологией).

Большинство российских этнологов с воодушевлением восприняло американский и английский эволюционизм и работало в этом русле. Вместе с тем, как и в западной науке, в русской этнологии к концу XIX—началу XX столетия среди некоторых специалистов стало развиваться весьма скептическое отношение к эволюционистским схемам. Особенно отчетливо оно выразилось в исследованиях А.Н.Максимова. В первую очередь, именно благодаря ему накануне Октября в российской этнологической печати нашли отражение теоретические представления о ранних этапах социальной эволюции, соответствовавшие передовым рубежам международного знания. И было еще одно крайне важное обстоятельство: существовала устойчивая традиция серьезной и объективной критики исследований отечественных и иностранных коллег. Так, каждый номер дореволюционного «Этнографического обозрения» имел специальный раздел «Критика и библиография», содержащий от 13 до 20 рецензий и занимавший половину или более объема журнала (весьма солидного). Неблагодарным, «черновым» — кропотливым, но дающим мало «пищи для личного честолюбия», — трудом по изложению и разбору чужих взглядов регулярно занимались Д.К.Зеленин, А.Н.Максимов, В.Ф.Миллер, Н.Ф.Сумцов, В.Н. и Н.Н.Харузины и другие выдающиеся исследователи.

После революции в советской этнологии была декларирована задача разработки марксистских методов исследования, которая с особой интенсивностью реализовалась в области изучения ранних стадий социальной эволюции, вызвавших специфический интерес у основоположников марксизма. При этом вследствие того особого влияния, которое оказали на К.Маркса и Ф.Энгельса Л.Морган и некоторые другие представители эволю-

ционистского направления в этнографии, советский «этнографический марксизм» вступил в своего рода симбиоз с классическим эволюционизмом. В русле классического эволюционизма социальное развитие человечества мыслилось в виде однолинейного, сугубо поступательного процесса и общества на ранних стадиях социальной эволюции представлялись весьма единообразными, характеризующимися определенным набором социологических и культурных универсалий. Интерес к генезису различных социальных институтов и культурных феноменов заметно перевешивал интерес к их сущности, к механизмам функционирования и функциональному их назначению в контексте конкретных культур. Одновременно происходила как бы автономизация советской этнологии, шло обособление ее от западной науки, вызывавшееся в подчеркнутом стремлении найти свой собственный путь.

Однако тогда, в 20-е годы, марксизм в нашей этнологии выступал в виде комплекса общих концептуальных установок, а не в форме готовых решений тех или иных проблем, как это стало позднее. И поэтому в публикациях того времени можно встретить значительное разнообразие оригинальных авторских решений, непохожих друг на друга концепций. Кроме того, в те годы все еще активно работали ученые, получившие известность до революции и не переходившие на марксистские позиции.

Конец 20-х и самое начало 30-х годов отмечены выходом в свет целой серии исследований, во многом не утративших своего значения и до сих пор. В ряде отраслей советской науки, в частности в биологии, в психологии, этот период фигурально именуется «золотым веком» — он был очень коротким, но весьма продуктивным. Не знаю, можно ли говорить о золотом веке в этнологии, но появление работ, сказавших новое слово не только в отечественной, но и в мировой науке, несомненно. В их числе ранние публикации С.А.Токарева, некоторые весьма оригинальные, хотя и во многом поверхностные, ранние работы С.П.Толстова²⁰. Среди них такие новаторские и обстоятельные исследования, как «Первобытный монотеизм у огнеземельцев» П.Ф.Преображенского²¹, уже не раз упоминавшееся «Происхождение экзогамии» А.М.Золотарева и др.

Но период, когда писались эти работы, был трагическим рубежом во внутриполитической обстановке в стране. Общее чрезвычайное ужесточение режима, как известно, самым печальным образом сказалось на развитии советской науки и даже такой, казалось бы, весьма далекой от текущей политики ее отрасли, как изучение ранних форм социальных институтов. В течение нескольких лет (начало 30-х) марксизм был превращен из мето-

дологии в набор догм, отступление от которых представляло не только угрозу для возможности писать и публиковать свои работы, но и реальную опасность для жизни исследователя.

Процесс этот выразился в канонизации концепции эволюции социальных институтов первобытности, которая была разработана Л.Морганом в 60—70-е годы XIX в. и в основных чертах воспроизведена в 1884 г. Ф.Энгельсом в знаменитой книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». К этому добавилась догматизация отрывочных высказываний основоположников марксизма из некоторых других их работ, а также из частных писем или даже набросков к ним.

В результате укоренилась следующая жесткая и внутренне противоречивая схема: промискуитет как самая ранняя стадия развития человеческих сообществ; затем групповой брак с двумя последовательно сменяющимися друг друга формами семьи — кровнородственной и пуналуальной; одновременно формировавшийся материнский род, представлявший собой социально-экономический, производственный коллектив; затем постепенно создававшаяся в его недрах парная семья и, наконец, отцовский род и патриархальная семья, которая появляется только на стадии классового образования. Далее, доклассовая эпоха (по крайней мере на стадии расцвета первобытнообщинного строя) — эпоха полного социального равенства. Причем это представление как-им-то странным образом уживалось с понятием матриархата — господства женщин в классической первобытности.

Таким образом, теоретическая мысль в нашей стране (в сфере изучения эволюции социальных институтов) не просто затормозилась, но — в известном смысле — оказалась отброшенной в 70—80-е годы XIX в. И это в то время, когда в мире в целом этнология сделала огромный шаг вперед.

Многие советские авторы теперь уже не следовали традиции тщательного поиска новых фактических данных в иностранной литературе. Даже универсальная прежде установка на изучение по крайней мере трех европейских языков в значительной степени утратилась. Немало этнографов стали обходиться каким-нибудь одним языком или работали вообще «без языка». Анализ новых теоретических направлений западной науки сменился так называемой критикой буржуазных концепций, которая велась преимущественно с идеологических позиций, и во «внутренней» научной жизни подлинная аналитическая критика отступила перед критикой идеологической. Стало не страшно недобрать фактов или даже их исказить, страшно лишь заслужить обвинения в «антимарксизме», в буржуазных заблуждениях вроде «прамонотеизма», «бюхерианства», «релятивизма» и т.п.

В такой обстановке, естественно, было почти невозможно продолжать настоящие непредвзятые исследования в области древнейшей социальной истории, так как фактический материал по архаическим обществам плохо сочетался с данной схемой, как не сочетался с нею и выводы серьезных исследований предыдущих лет. Авторы их либо были репрессированы, как профессор П.Ф.Преображенский, либо отошли от острых тем, как С.А.Токарев, либо вовсе ушли из науки, как вынужден был сделать А.Н.Максимов. Некоторые же, как, например, Е.Ю.Кричевский, взяли на себя роль гонителей всего, что не согласовалось с утвердившимися догмами. А.М.Золотарев же попытался соответствовать советскому представлению об «истинном марксисте» и в то же время серьезно работать; интенсивно публиковаться, активно — на первых ролях — участвовать в научной жизни и вместе с тем сохранять верность традициям досконального научного анализа. Это оказалось невозможным. Трагедия — и творческая, и человеческая — была предопределена такой попыткой.

* * *

А.М.Золотарев учился у ученых старой закалки — дореволюционной школы. Его образование было, что называется, европейским. Он свободно читал по-английски, по-французски, по-немецки. Ссылаясь на древнегреческие и латинские первоисточники. В лучших традициях полевой этнологии (особенно настойчиво создававшихся американскими и английскими антропологами) стремился освоить ульчский язык, а также кропотливо собирал и изучал головоломные системы терминов родства у обских угров и тунгусоязычных народов Амура. В лучших традициях кабинетных этнологов-теоретиков он не ограничивал свои научные интересы каким-то определенным регионом, стремился к широким кросскультурным сопоставлениям и, исследуя общие проблемы, — такие, как, например, происхождение оленеводства, — опирался на обширную литературную базу, с чрезвычайной подробностью систематизировал и излагал фактический материал.

Но в духе наступивших времен, в одном ряду с многочисленными молодыми энтузиастами, он был захвачен стремлением построить «свой новый мир» в науке и противопоставить его старому. С этой целью он самым тщательным образом и с глубоким интересом изучал труды классиков марксизма-ленинизма, искренне пытаясь овладеть историческим и диалектическим материализмом как научной методологией.

Начало на этом поприще у Александра Михайловича было очень удачным. В первой своей значительной работе — «Проис-

хождение экзогамии» — он самым блестящим образом совместил марксистский поиск с глубокими научными традициями. Как уже говорилось, он представил эту работу на конкурс в аспирантуру в начале 1930 г. Стало быть, написал ее еще раньше — чуть ли не в 22 года. Она основана преимущественно на данных этнографии коренных австралийцев. Будучи этнологом-австрало-ведом, автор этих строк может с полным основанием сказать, что в ней Золотарев во многом опередил свое время.

Главная гипотеза монографии, состоящая в том, что экзогамия первоначально (в далекие первобытные времена) возникла как экзогамия локальных групп, т.е. общин (а не кровнородственных образований), а также в том, что ее формирование было обусловлено экономическими потребностями — необходимостью расширять хозяйственные связи, что и достигалось через посредство «междугрупповых» браков, — вряд ли доказуема и не вполне оригинальна. Последнее признает и сам автор, указывая на Г.Эйдельмана как на своего не слишком удачливого (его резко критиковали в печати за «вульгарный материализм») предшественника²². Ценность работы, однако, не в этой гипотезе, а в обобщениях, выводах и прозрениях, касавшихся этнологии охотников и собирателей в целом и аборигенов Австралии в частности.

Отдавая должное Моргану и Энгельсу, Золотарев остается свободен от всего устаревшего в их работах. Говоря об ограниченности возможностей буржуазной науки, он в полной мере опирается на добытые ею надежные данные. Придерживаясь концепции «первобытного коммунизма» и следуя марксистской методологии, он ищет для этой концепции новые основания: факты не позволяют говорить о коллективном производстве у охотников и собирателей, равно как и о коллективной собственности на орудия труда, и Золотарев выдвигает идею о том, что первобытный коммунизм зиждется на коллективной собственности на землю, — идею, на которой позднее (уже 60—80-е годы) воспитывались советские этнологи по крайней мере двух поколений.

В соответствии с фактами современной ему этнологии он избегает главных «марксистско-эволюционистских» фетишей — группового брака, родовой организации и примата матрилинейного счета родства. Первый он просто даже не упоминает. О втором говорит следующее: «Учение о родовом быте, сформулированное впервые Морганом, расплодилось в бесформенную массу, готовую исчезнуть каждую секунду»²³. Эта позиция, впервые в отечественной литературе обоснованная А.Н.Максимовым в 1913 г.²⁴, вновь была сформулирована в нашей печати только в самом конце 1990-х годов²⁵.

Далее в рассматриваемой работе Золотарев утверждает, что у охотников и собирателей, и в первую очередь у коренных австралийцев, не род, а община, т.е. локальная группа, «является основной ячейкой общества»²⁶ — тезис, за который бились (в полемическом смысле) в 60-е и 70-е годы В.М.Бахта, Н.А.Бутинов и в особенности В.Р.Кабо²⁷. Причем оппоненты их выступали с позиций не столько науки, сколько идеологии.

Вопрос об историческом соотношении матриликальности и патрилокальности, матрилинейности и патрилинейности, всегда являвшийся камнем преткновения у советских историков, был поставлен в «Происхождении экзогамии» примерно так же, как он ставился «радикальными» участниками громких дискуссий 60—70-х годов²⁸. Это могли быть параллельные пути развития, а могло быть и так, что патрилокальность и патрилинейность первичны и типичны для охотников и собирателей, а матриликальность и матрилинейность — приметы мотыжных земледельцев. Причем подход А.М.Золотарева представляется более тонким и взвешенным, потому что он, в отличие от последующих советских единомышленников, говорит не о роде, как об универсальном институте, но лишь о родственной филиации, об унилинейном прослеживании кровного родства²⁹.

Но самым значительным достижением автора в этой ранней работе представляется изучение систем брачных классов (секций и подсекций, по современной терминологии) и системы двух секций (фратрий, или половин, по современной терминологии) у австралийцев. Во-первых, Золотарев пришел к выводу о том, что брачные классы вовсе не регулируют брачные отношения, а регулируют их *родство, родственные системы*³⁰. Этот вывод до совсем недавнего времени оставался совершенно чуждым отечественной этнологии, а в зарубежном австраловедении он примерно через год после Золотарева (конечно же, независимо) был сделан А.Рэдклиффом-Брауном, опиравшимся на собственные полевые материалы. Впоследствии — уже в 60—70-е годы — с ним согласились такие корифеи полевой этнологии, как А.Элькин, Э.Сэрвис, М.Меггит, Х.Шеффлер и др.³¹. Сумел Золотарев раскрыть и социологический механизм образования брачных классов, не прибегая, как это делали до него некоторые английские эволюционисты, а у нас А.Н.Максимов³², после же него Ю.И.Семенов³³, к идее наложения патрилинейной филиации на матрилинейную. По Золотареву, для возникновения брачно-классовой организации достаточно двух «взаимобрачающихся» локальных групп («без всякой линейности») и «классификаторской» номенклатуры родства³⁴. Именно этим путем пошел позднее, в 40-е годы (разумеется, независимо), А.Элькин и еще

позднее (в 70-е) Х.Шеффлер, утвердившие в современном австраловедении представление о секциях как о неких классифицирующих знаковых категориях, которые действуют в дополнение к классифицирующим номенклатурам родства, «систематизируют и обобщают родство», являются специфическим преобразованием «надклассов родства» и имеют весьма позднее происхождение. А нужны они были, как показывают современные австралийские социальные антропологи, главным образом для расширения и упрощения практики «межплеменного взаимодействия»: помогали аборигенам «раскидывать» сети классификационного родства и соответствующих поведенческих стереотипов, захватывая огромные пространства континента. Ведь широкое межгрупповое взаимодействие было важнейшей чертой культуры аборигенов³⁵.

К этому Золотарев также подошел очень близко и совершенно самостоятельно. Он полагал, что те австралийские племена, у которых отсутствовали брачные классы и имелись лишь две фратрии (он, как уже говорилось, называл их секциями), были наиболее продвинутыми в социальном отношении. «Двухсекционная» система австралийцев, писал он, является не порождением древней дуальной организации, а редукцией четырех- или восьмиклассовой системы, она есть продукт упрощения социальной структуры — упрощения, необходимого для развития межплеменных связей, которые типичны для наиболее развитых групп охотников и собирателей, а также для ранних земледельцев. Он, в частности, указывал на распространение системы двух фратрий у меланезийцев и папуасов Новой Гвинеи. Эти его рассуждения и сегодня выглядят весьма плодотворными.

В этой же первой серьезной публикации А.М.Золотарева определенно проявился и его глубокий интерес к проблеме первобытной дуальной организации, а также ее отражению в мифологии.

В целом «Происхождение экзогамии» — работа на удивление зрелая и одновременно *фундированно* новаторская. Автора можно лишь упрекнуть в том, что он, во-первых, не отмечает заслуг своих отечественных предшественников, на чьи достижения в области австраловедения безусловно опирается, — А.Н.Максимова, автора многих работ об австралийцах, и С.А.Токарева, опубликовавшего первоклассную статью об австралийских системах родства³⁶, и, во-вторых, в духе однолинейного эволюционизма сильно преувеличивает значение австралийских материалов для решения общих проблем ранней социальной эволюции. Но можно полагать, что второй недостаток вскоре был бы преодолен, если бы дальнейшее творчество Золотарева развивалось в том же русле. Этому не суждено было случиться.

В том же, 1931 г. у него вышла небольшая заметка «Проблема австралийской культуры»³⁷. Она была в известном смысле «идеологически нейтральна» и содержала оригинальную — по тем временам — мысль о происхождении аборигенов Австралии от единого ствола переселенцев (потом эта идея получила подробное развитие у ряда зарубежных австраловедов, а в СССР — у В.Р.Кабо³⁸) и оправдавшееся через несколько лет предсказание, что в Австралии будут найдены человеческие останки четвертичного времени³⁹. Однако последующие работы А.М.Золотарева стали другими.

«Происхождение экзогамии» опубликовано с пространном предисловием С.Н.Быковского, взявшего в те годы на себя роль радетеля и охранителя установочных положений «марксистской этнографии». В нем А.М.Золотарев в патетической манере объявлялся в «лучшем случае» «полумарксистом», который лишь на словах «расшаркивается» перед классиками, а на деле пренебрегает (кем же?)... Энгельсом (!) и его «Происхождением семьи, частной собственности и государства», лишь для «отвода глаз» пишет о слабостях буржуазных ученых, не владеет диалектическим материализмом, не понимает учения академика Марра и т.д. и т.п. Все самое интересное, самостоятельное и оригинальное в работе молодого ученого было подвергнуто разгрому в качестве «заблуждений» и «грубых ошибок» «с точки зрения марксистской методологии». А общий вывод был таков: Золотарев «выступает в качестве представителя мелкой буржуазии, щедрой на трескучие революционные фразы и скупой на революционные дела»⁴⁰. Недооценивать опасность подобных обвинений в печати было нельзя, и Золотарев, очевидно, сделал выводы. Повлияла, конечно, не только критика Быковского, но и пришедшееся как раз на начало 30-х годов общее ужесточение режима в стране, а также резкое усиление идеологического давления на советскую этнографическую науку.

Быковский сурово упрекал Золотарева в том, что он «поверхностно критикует буржуазных авторов без намека на выявление социальных корней их взглядов»⁴¹. Золотарев публикует статью «Кардинал Шмидт и Омар Шпан» (1932). В ней он, по его собственным словам, «вскрывая классовые корни культурно-исторической школы и ее тесную связь с религией, с одной стороны, и с фашизмом — с другой, обнаруживая ее антимарксистский и антипролетарский теологизм, не только предостерегает советских ученых от излишнего увлечения модными теориями культурных кругов, но и ставит перед ними задачу беспощадной методологической, логической и классовой критики "теоретических" построений наших классовых врагов». В этой же статье

Золотарев пишет о том, как патер Вильгельм Копперс «надеется выбить научный базис из-под ног рабочего движения», как кардинал Вильгельм Шмидт «протягивает руку кровавому фашизму», а заодно и о том, как П.Ф.Преображенский «с умилением отзывается о трудах "новой этнологической школы" и не видит ее "реакционности и нелепости"»⁴².

В таком идеологическом обрамлении формулируется и установка, согласно которой диффузионизм, стремившийся реконструировать мировую историю культурных заимствований, рассматривается как «антиисторизм», а под «историзмом» подразумеваются эволюционистские построения схем ступенчатого *конвергентного* (т.е., в понимании А.М.Золотарева, независимого) развития самых различных обществ земного шара — развития, детерминированного единими закономерностями⁴³.

В том же, 1932 г. выходит статья «Общественные отношения родовой коммуны». Она написана еще в духе доставшейся в наследство от более свободных 20-х годов концепции «родового общества» у охотников и собирателей, но в ней уже говорится о беспорности этнографических (в том числе и австралийских) данных о групповом браке — данных, которые безнадежно «пытались дискредитировать ряд буржуазных этнологов», а именно: Э.Лэнг, Н.Томас, А.Н.Максимов, Б.Малиновский, П.Ф.Преображенский (какова плеяда!)⁴⁴. А в 1933 г. А.М.Золотарев публикует статью «Новые данные о групповом браке»⁴⁵, где в качестве «неопровержимых» этнографических свидетельств существования группового брака приводит сороратную полигинию, братскую полиандрию и случаи простого сожительства мужчин с чужими женами у ряда индейских племен, а также многие другие примеры, которые ему самому в 1931 г. показались бы, как представляется, более чем сомнительными.

К слову сказать, в том же, 1933 г. Золотареву снова приходится терпеть нападки из-за группового брака. В статье «Пережитки родового строя у гиляков района Чомэ» он всего-навсего честно написал, что о групповом браке как об уцелевшем институте у нивхов исследованного им района ему «ничего не известно»⁴⁶. Некто, не пожелавший назвать себя, поместил вслед за статьей Золотарева — в том же номере «Советского Севера» — довольно пространную заметку с указанием на «антимарксистскую» позицию А.М.Золотарева и утверждением (по собственным полевым наблюдениям), что групповой брак все еще бытует у гиляков названного района, в частности братья сожительствуют с женами друг друга, сестры — с мужьями друг друга⁴⁷.

В 1934 г. выходит рецензия Золотарева на книгу М.О.Косвена «Морган — жизнь и учение». В ней мы читаем, что «наряду с

А.М.Золотарев. Середина 30-х годов

групповым браком учение о родовом строе составляет центральный пункт, по которому направлен огонь буржуазной социалфашистской критики»⁴⁸, и положение о возникновении рода в глубочайшей первобытности прямо из «первобытного стада», а также представление о роде как о первобытном производственном коллективе никогда более не подвергаются сомнению ни в публикациях, ни в рукописях Золотарева. Напротив, они становятся краеугольными камнями всех его построений, основанных на том, что «родовые связи выступают в форме производственных»⁴⁹.

В публикациях 1933—1934 г. отказывается А.М.Золотарев и от своего прежнего взгляда на историческое соотношение «материнского и отцовского права», примат матрилинейности объявляется им «неопровержимым». И он даже специально пишет две работы, в которых пытается объяснить «ненормальную» — с этой точки зрения — ситуацию у коренных австралийцев: наличие патрилинейных кровнородственных групп. Впоследствии это получило у советских этнологов наименование австралийской контроверзы. Сначала, опираясь на А.Хауита, Золотарев написал статью о каменной индустрии аборигенов, где пытался доказать,

что племена Юго-Восточной Австралии, имевшие матрилинейную филиацию тотемических групп и фратрий, обладали более примитивной техникой изготовления орудий, чем племена севера и центра с патрилинейной филиацией фратрий и тотемических групп. На этом основании он делал вывод, что юго-восточные племена, в частности диери, были более «отсталыми» и поэтому сохранили матрилинейность, которую более «продвинутые» — северные и центральные — утратили⁵⁰. При этом он игнорировал сведения того же А.Хауита, согласно которым у диери и соседних племен Юго-Восточной Австралии была самая сложная (т.е., в парадигме Золотарева, самая «развитая») в традиционной Австралии система лидерства⁵¹.

А несколько позднее (как можно полагать)⁵² А.М.Золотарев разрешает австралийскую контроверзу совсем просто: еще в XVIII в. все аборигены жили при матриархате, их «правильное», естественное развитие было нарушено европейской колонизацией, в результате которой «ненормально» рано сформировался отцовский род. Впоследствии этот ход использовали многие, и прежде всего С.П.Толстов. На самом деле, к слову сказать, никакой австралийской контроверзы не существует. Матрилинейные и патрилинейные родственные институты (кланы, фратрии, или половины, тотемические группы) в Австралии сплошь и рядом сосуществовали в одних и тех же районах, выполняя разные функции (так, патрилинейные территориальные кланы могли сосуществовать с матрилинейными экстерриториальными половинами или матрилинейными тотемическими группами). Они возникли для удовлетворения разных потребностей общества, а тип филиации, скорее всего, как раз и был обусловлен конкретными потребностями. Это пример довольно распространенного явления — двойного десцента, явления функционального, не связанного с так называемыми пережитками. Там же, где оба типа десцента не сосуществовали, имелись лишь патрилинейные структуры, а доказательств их былой матрилинейности нет. К началу 1930-х годов это уже убедительно показали А.Рэдклифф-Браун за рубежом и А.Н.Максимов — у нас⁵³.

В качестве одного из грубых «промахов» Золотарева в зловещем предисловии Быковского к «Происхождению экзогамии» указывалось на недооценку роли тотемизма в первобытном обществе, равно как и древности происхождения тотемизма⁵⁴. В статье о дородовой коммуне (1932) А.М.Золотарев пишет: «Тотемизм — это целое мировоззрение, целая всеобъемлющая идеология, устанавливающая соотношение между природой и обществом». Он объявляет тотемизм (наряду с «брачными классами» и экзогамией) универсальной составляющей первобытной культуры и отно-

сит его возникновение к «мадленско-азильскому периоду»⁵⁵. А в 1934 г. он публикует работу «Пережитки тотемизма у народов Сибири». Не исключено, что она была напечатана как бы в противовес вышедшей несколькими годами ранее статье А.Н.Максимова «К вопросу о тотемизме у народов Сибири», где автор, проанализировав массу источников, пришел к заключению, что — ввиду немногочисленности и фрагментарности надежных свидетельств — невозможно с определенностью судить о былом существовании тотемизма у коренных жителей Сибири⁵⁶.

А.М.Золотарев тоже использует обширную источниковедческую базу, но стремится доказать, что тотемизм в прошлом имелся у всех или почти у всех сибирских народов. При этом в поисках доказательств допускает явные натяжки, привлекая все, что хоть как-то может служить косвенными аргументами: медвежьи культы (в отличие от тотемических культов, которые всегда сопряжены лишь с отдельными сегментами социума, медвежьи культы в Сибири, как известно, практикуются целыми этносами или даже еще более крупными общностями), всевозможные пищевые запреты, представления о сожительствах женщин с животными, сны о животных и многое другое. А закрепляются подобные перечисления непрерываемыми утверждениями типа: «Приведенные свидетельства не позволяют сомневаться в существовании тотемизма у угро-финнов»⁵⁷.

В 1932—1934 гг. другим стал даже литературный стиль Золотарева. В первой опубликованной работе это был сдержанно-элегантный научный стиль, похожий на стиль дореволюционных русских историков, в последующих публикациях появились несвойственные академическим текстам жесткие формулы, больше похожие на лозунги, чем на аналитические заключения, как то: «Род — основа всей первобытной истории» или «Тотемизм — идеология родового строя»⁵⁸. Сложилось обыкновение употреблять такие выражения и эпитеты, которые скорее подошли бы не слишком требовательному к себе журналисту, нежели ученому, «изращения, к которым прибегали общепризнанные вожди английской антропологической школы, страдавшие "катедер-социалистским косоглазием"»; «беззубые нападки» на Моргана; «культурно-историческая школа выступает в качестве служанки практической теологии» и т.п.⁵⁹.

Теоретически реконструируя глубокое прошлое, Золотарев так уверенно — в повествовательном жанре — излагал события и бытовые детали этих скрытых от нас времен, будто ему каким-то чудом довелось наблюдать все это: «Первобытная женщина охотилась не хуже мужчины и вместе с мужчиной <...> между-половое разделение труда отсутствовало и возрастное тоже <...>

человек, подобно животному, не проводил различий между родственниками и неродственниками, не отличал своих родителей и детей, своих братьев и сестер от прочих членов стада <...>⁶⁰. Строилось же изложение так, словно все события первобытной истории разворачивались не в конкретных временных и географических контекстах (причем весьма различных), а в каком-то абстрактном пространстве, где ни джунгли, ни ледники, ни пустыни, ни горы, ни катаклизмы, ни переселения, ни нашествия врагов не мешали людям вершить их единообразный путь от одной стадияльной ступени к другой.

Но нельзя упускать из виду, что Александр Михайлович писал так, будучи очень молодым человеком, которого, с одной стороны, безжалостно калечили внешние, внеучные обстоятельства и который, с другой стороны, забрел в такие научные дебри, где безнадежно плутали и люди куда более зрелые.

И нельзя не отметить особо, что на страницах перечисленных выше работ наряду со всеми «знамениями времени» рассыпаны мелкие и крупные жемчужины острого, цепкого и прозорливого научного ума. То намечена какая-то новая проблема, остававшаяся без внимания исследователей, то сделано оригинальное наблюдение, то извлечены на свет Божий никому не ведомые факты или малодоступные источники. Так, например, в работе «Новые данные о групповом браке» впервые в отечественной этнологии — насколько мне известно — привлечено внимание к такому широко распространенному в традиционных обществах явлению, как подшучивание (Золотарев пользуется английским термином "joking relations"), и высказана идея о функциональной связи этого явления с избеганием — за несколько лет до А.Р.Рэдклиффа-Брауна, которому в этом вопросе принято приписывать первенство⁶¹.

А в следующие годы, 1935—1938, Золотарев, развиваясь как ученый, несколько отошел от идеологически нагруженных проблем и сосредоточился преимущественно на анализе конкретных архивных и оригинальных полевых материалов, к концу же своей недолгой жизни — к 1939—1940 г. — выработал в себе готовность к осторожному и взвешенному протесту против нетерпимого положения в интересующей его области этнологического знания.

Еще в 1933 г. А.М.Золотарев опубликовал статью «К вопросу о генезисе классовообразования у гиляков», где обстоятельно рассмотрел имеющиеся в ранних письменных источниках и этнографических исследованиях, а также собственные полевые — собранные во время первой экспедиции на Амур — данные о патриархальном рабстве и о традиционной торговле у нивхов⁶².

В 1934 г. вышла статья «Амурские орочи», в которой собраны воедино основные литературные сведения и собственные наблюдения автора, относящиеся к этому малоизученному народу Дальнего Востока⁶³. В 1935 г. А.М.Золотарев совместно с М.В.Воеводским подготовил для журнала «Советская археология» очень добротную статью «Материалы к археологии Нижнего Амура», где излагались результаты раскопок, ведшихся во время экспедиции на Амур летом 1934 г.⁶⁴. Вслед за этим было написано исследование «Древнейшие судьбы Приамурья»⁶⁵, в котором даны сводка и анализ основных материалов археологических и письменных источников по истории названного региона до XVIII столетия. Позднее часть этой работы была использована в статье «Из истории народов Амура»⁶⁶. В 1937 г. в журнале "American Anthropologist" печатается основанная на полевых наблюдениях статья о медвежьем празднике ульчей⁶⁷.

Итогом кропотливого анализа источников и сбора оригинальных полевых материалов в конце 30-х годов явилось издание монографии «Родовой строй и религия ульчей». В ней дается очерк истории тунгусоязычных народов Нижнего Амура с древнейших времен и выдвигается оригинальная версия этногенеза ульчей: в основе древний палеоазиатский (т.е. нивхский или близкий к нему) субстрат, испытавший позднейшие тунгусские (преимущественно языковые), маньчжурские и китайские (преимущественно культурные) влияния. В книге приводится также обширная информация о родовом составе ульчей, их брачных отношениях, родственной терминологии, праздниках, обрядах и фольклоре. В приложение включено внушительное число фольклорных текстов, записанных автором на ульчском языке и им же переведенных на русский. Помимо авторской версии происхождения ульчей особо интересным представляются результаты анализа номенклатур родства тунгусоязычных народов Нижнего Амура. А.М.Золотарев попытался объяснить специфическую черту их классифицирующих терминологий: старший брат отца именуется так же, как отец, младший брат отца — так же, как и старший брат говорящего, один племянник — племянник, другой — кузен и т.д. Исследователь связывал эту черту с особой формой кросскузенного брака, практиковавшегося у тунгусоязычных народов⁶⁸. Создается впечатление, что специалистам по системам родства и сегодня рассуждения Золотарева из книги об ульчах могли бы сослужить хорошую службу.

Куда менее убедительными представляются содержащиеся в той же книге выкладки относительно группового брака. Вслед за своим безымянным критиком 1933 г. Золотарев утверждает, что на Нижнем Амуре сохраняется этот вид брачной практики, и

приводит самые разнородные известные ему примеры индивидуальных сексуальных связей ульчей, нанайцев, орочей, включая случаи простого внебрачного сожительства одной женщины с несколькими братьями, т.е. неформализованного (неинституализированного) аналога братской полиандрии⁶⁹.

В те же годы (1935—1938) проявляется большой интерес Золотарева к проблемам эволюции ранних форм хозяйства, в первую очередь охоты и оленеводства, а также к проблемам этногенеза охотничьих и оленеводческих народов Европейского Севера России, Восточной Сибири и севера Америки. В этой связи он публикует статью «Саами (лопари)» (совместно с М.Г.Левиным) и работы «Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии», «Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в.», а также «Первые сведения о юкагирах и чукчах»⁷⁰. Во всех этих статьях в научный оборот вводятся данные малоизвестных и труднодоступных публикаций, а также никогда не публиковавшихся архивных источников. Особо отметим, что в работе «Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в.» анализируются этнографические рукописи Якова Линденау, к которым до Золотарева никто из российских этнографов всерьез не обращался и которые были изданы только в 1983 г. Н.М.Александровым (переводчик), И.С.Вдовиным и З.Д.Титовой⁷¹. Александр Михайлович не только проделал огромную работу по расшифровке чрезвычайно трудночитаемых немецких текстов, но написал первый в нашей литературе краткий биографический очерк о Линденау.

В личном фонде А.М.Золотарева, хранящемся в архиве ИЭА, имеется объемная рукопись почти под тем же названием, что и одна из упомянутых выше статей, — «Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии и севере Америки». Она, очевидно, является итогом его изысканий в области древней и доколониальной этнической истории и эволюции хозяйства народов Сибири и Северной Америки. В ней, среди прочего, вводится понятие «хозяйственный тип», очень близкое по значению к разработанному позднее М.Г.Левиным и Н.Н.Чебоксаровым понятию «хозяйственно-культурный тип», а также выделяется целый ряд хозяйственных типов охотников и оленеводов северо-востока Азии и охотников севера Америки. В ней же отстаивается идея самостоятельного зарождения оленеводства на северо-востоке Евразии — в противовес развивавшейся более ранними авторами (в том числе А.Н.Максимовым и С.М.Широкогоровым) гипотезе распространения оленеводства из южного (Саяно-Алтайского или Забайкальского) очага одомашнивания оленя.

Эти более ранние авторы полагали, основываясь, в частности, на китайских источниках, что сибирское оленеводство было либо впервые «создано» во II в. н.э. (или немного позднее) коневодами-тюрками, лишившимися в силу неблагоприятных обстоятельств своих лошадей (как временный паллиатив), а затем заимствовано южными самодийцами или тунгусами и постепенно распространено до северо-восточной оконечности Азии, либо оно было «изобретено» каким-то тунгусским или самодийским народом — в подражание тюркскому коневодству. А.М.Золотарев же стремился доказать, что на северо-востоке Сибири оленеводство возникло очень поздно (чуть ли не в XVIII в.) независимо от более южных типов лесного оленеводства, возможно, в нескольких самостоятельных очагах (как проявление закономерного движения всех народов к производящему хозяйству), непосредственно из охоты, а промежуточным этапом была охота с использованием оленя-манщика. Эта идея нашла отражение в печати в совместной с М.Г.Левиным статье «К вопросу о древности происхождения оленеводства» (1940), которая до сих пор является, пожалуй, одной из самых цитируемых в отечественной этнологической литературе работ Золотарева⁷².

Интересно, что в публикации 1938 г. А.М.Золотарев писал, что подобный ход событий вероятен, но для его доказательства нет аргументов⁷³. А М.Г.Левин в статье, написанной совместно с Г.М.Василевич в 1951 г., возвращается к теории южного очага происхождения и дальнейшего распространения оленеводства по всей Сибири⁷⁴. И.И.Крупник в сравнительно недавней работе, сделав обзор всевозможных точек зрения по вопросу о происхождении оленеводства, отдает должное оригинальности постановки проблемы в статье Золотарева и Левина, но заключает, что такая гипотеза не имеет «убедительных документальных подтверждений»⁷⁵.

В конце 30-х годов и в 1940 г. А.М.Золотарев печатает ряд статей, в которых снова обращается к вопросам самого общего теоретико-методологического характера. Еще в 1936 г. выходит обширная обзорная статья «Исторические предпосылки формирования *Noto sariens* в освещении советских археологов». В ней он впервые отходит от жесткой методологической установки на «конвергентность» (т.е. одинаковость, обусловленную едиными закономерностями, а не взаимовлияниями) развития самых различных первобытных обществ ойкумены и пишет о значении культурных заимствований, миграций и о роли географической среды и климатического фактора, а также о необходимости пристального изучения всего этого при построении теории ранней социальной эволюции, т.е. по существу отказывается от преж-

А.М.Золотарев с женой и сыновьями. 1939 г.

него резкого и идеологически окрашенного неприятия диффузионизма и антропогеографии. «В борьбе с расовыми теориями многие исследователи нередко переходили границы, сводя все к понятию стадиальности <...> Отвлечясь от локальных форм, от различий в пространстве, от переселений, заимствований, взаимных влияний — это значит, — писал А.М.Золотарев в 1936 г., — свести историю к равнозначной для всех времен и народов бесцветной и безличной алгебраической формуле»⁷⁶.

Однако в статье 1938 г. «Расовая "теория" и этнография», демонстрирующей широчайшую историографическую эрудицию, А.М.Золотарев как будто возвращается на позиции, которые он занимал в 1932—1934 гг. Поиск (в бесписьменных культурах всего мира) «конвергентно» развивающихся явлений и процессов — главная задача исследователя первобытной культуры, формулируемая в этой работе. «Исследованиями Моргана было установлено, что человечество во всем мире двигалось по одному и тому

же пути <...> Оно всюду прошло стадии группового брака, материнского рода, затем отцовского рода <...> Идея единства исторического процесса получила незыблемое основание». Это и есть подлинный историзм, а Ратцель и Фробениус со своими географизмом и миграционизмом пожертвовали историзмом и открыли «вопреки, быть может, своим субъективным взглядам» двери расизму⁷⁷. Таково было требование «политического момента». В 1937—1938 гг., когда готовился и печатался этот сборник, были арестованы и уничтожены десятки коллег А.М.Золотарева. Повидимому, эта статья была специально заказана ему для тематического сборника «Наука о расах и расизм».

Но в самом конце 1940 г. в журнале «Историк-марксист» появляется публикация, явно свидетельствующая о формирующейся у Золотарева решимости бороться за изменение сложившегося в советской этнографии — по сути невыносимого — положения, а также о готовности к риску. Хотя нельзя не отметить, что к началу 40-х годов волна гонений спала. А в огне репрессий 1937—1938 гг. парадоксальным образом «сгорели» как раз наиболее рьяные радетели неприкосновенности моргановско-энгельсовских схем (С.Н.Быковский, Е.Ю.Кричевский и др.). Общая ситуация в советской этнологии несколько смягчилась.

Публикация называется «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф.Энгельса и современная наука». В ней А.М.Золотарев настаивает на необходимости пересмотра моргановской схемы периодизации первобытной истории. Он доказывает, что Энгельс «никогда не считал» периодизацию Моргана «своей периодизацией». Поэтому распространенная среди многих советских историков «канонизация "схемы Моргана-Энгельса" сугубо ошибочна. Она не только искажает подлинное положение вещей, но и приводит к игнорированию современных научных фактов, сплошь и рядом этой схеме противоречащих <...> Энгельс не отождествлял своих взглядов со взглядами Моргана, следовательно, — пишет Золотарев, — не существует "периодизации Моргана-Энгельса" <...> Марксистская наука должна смело и недвусмысленно отбрасывать устаревшие положения <...>», и «<...> несомненно, ряд частных положений Энгельса устарел»⁷⁸.

В том же, 1940 г. в «Ученых записках» Московского областного педагогического института вышла статья «К истории ранних форм группового брака», в которой Золотарев сосредоточил внимание на одном из таких частных устаревших положений, а именно на положении о кровнородственной семье. Под кровнородственной семьей Морган, как известно, понимал такую универсальную и наиболее раннюю в стадийном смысле форму

семьи, которая якобы основывалась на браке группы сестер с группой братьев. Реконструкция этой гипотетической формы семьи опиралась на малайскую классифицирующую терминологию родства. А.М.Золотарев, отметив, прежде всего, что Энгельс в предисловии к четвертому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства» высказывал некоторые сомнения по поводу этой моргановской реконструкции, подробно, в строгой научной традиции (следуя в основном за У.Риверсом) анализирует номенклатуры родства, относимые к типу малайских, и приходит к выводу, что между такими номенклатурами и тем, что Морган называл кровнородственной семьей, «нет никакой связи»⁷⁹. Вдобавок он указывает, что номенклатуры родства малайского типа соответствуют весьма поздним обществам, утратившим родовую организацию или по крайней мере экзогамию. В этой же статье Золотарев предлагает собственную гипотезу происхождения терминологий родства малайского типа — гипотезу, которая в дальнейшем получила подтверждение и развитие в работах Д.А.Ольдерогге и М.В.Крюкова⁸⁰. А завершает свою публикацию Золотарев такой фразой: «Во всяком случае, тот, кто пожелает настаивать на существовании кровнородственной семьи, не сможет теперь просто ограничиться повторением аргументов Моргана. Он вынужден будет подтвердить ее какими-то новыми доказательствами»⁸¹. В этой работе к Золотареву вернулся и строгий академический литературный стиль.

В дальнейшем, уже после войны, убеждение в ошибочности положения о кровнородственной семье утвердилось в нашей этнологической литературе благодаря публикациям Д.А.Ольдерогге, С.А.Токарева, Ю.И.Семенова и ряда других авторов⁸².

Таким образом, мы видим, что в двух своих публикациях 1940 г. Золотарев первым (насколько нам известно) начал процесс расшатывания совершенно несостоятельной «официальной» схемы ранней социальной эволюции. Процесс этот возобновился в 50—60-е годы прошлого столетия — главным образом усилиями таких исследователей, как В.М.Бахта, Н.А.Бутинов, В.Р.Кабо, М.В.Крюков, А.М.Хазанов, М.А.Членов, — и, пожалуй, еще сегодня не завершился. Как представляется, можно с полным основанием полагать, что, если бы судьба А.М.Золотарева сложилась иначе, он был бы в числе тех, кто пробивал бреши в твердыне идеологизированной этнографии, более все-таки дорожа научной истиной, нежели своим положением в официальной науке. Ведь в то время, когда Александр Михайлович решился на протест, приходилось рисковать куда большим.

Самый крупный труд Золотарева, труд, который, несомненно, был делом всей его жизни, плодом титанической кропотливой работы, начавшейся еще в конце 20-х годов, — «Родовой строй и первобытная мифология» — увидел свет, как уже говорилось, только через много лет после его смерти. Главная задача монографии — обосновать, опираясь на широчайший этнографический, исторический и фольклористический материал, положение о том, что дуальная организация была «древнейшей упорядоченной формой общества», развившейся непосредственно из «первобытного стада», обуздавшей «звериное в человеке» и определившей весь строй жизни первобытного человека: «экономическую организацию, организацию племенной власти, брачные нормы, поведение людей, порядок исполнения религиозных обрядов и церемоний»⁸³. Она же «структурировала» мировоззрение первобытного человека и определила его развитие: от простейших мифов о сестрах и братьях-близнецах до сложных представлений о парных верховных божествах древних дуалистических религий. «Можно сказать, — писал Золотарев в "Заключении" к этой работе, — что в дуальной организации и близнечном мифе мы нашли чудесный корень жизни, от которого произросли многообразные разветвления социального, религиозного, мифологического, эпического и сказочного творчества человечества, корень, помогающий понять окаменелые институты, воскресить древних забытых героев, оживить их поблекшие черты, восстановить их древние подвиги и вывести их из темных недр народной памяти на светлое поле научного познания»⁸⁴.

Книга «Родовой строй и первобытная мифология» получила широкое признание среди советских этнографов, историков, филологов и фольклористов. О ней неоднократно писали, и ее внимательно анализировали такие авторитетные ученые, как В.В.Иванов, Е.М.Мелетинский, С.А.Токарев, В.Н.Басилов и многие другие.

Некоторые мои коллеги в устных беседах выражали сожаление о том, что рукопись А.М.Золотарева не была опубликована полностью и, в частности, выпущенными оказались разделы, в которых рассматривались кавказские этнографические и фольклорные материалы.

В качестве сугубо личной ремарки отмечу, что, стремясь доказать универсальное распространение — на ранних стадиях социальной эволюции — родовой организации, дуального деления племен и дуалистических, в том числе близнечных, мотивов в мифологиях всего мира, Золотарев не остался свободен от натяжек и преувеличений. Как представляется, методологическая установка на универсализм стадияльных явлений социальной орга-

низации и духовной жизни сослужила плохую службу даже такому талантливому и яркому труду.

Очерк творчества Золотарева останется незавершенным, если не сказать несколько слов об опубликованных им рецензиях. Рецензированием он занимался постоянно и напечатал немало серьезной аналитической критики. Многие его рецензии весьма информативны. Порой он буквально извлекал из небытия на свет Божий никому не известные, труднодоступные этнографические публикации зарубежных авторов и делал их достоянием советского читателя⁸⁵. Много внимания уделял Золотарев и публикациям советских коллег. Особо можно отметить критическую рецензию на книгу А.Ф.Анисимова «Родовое общество эвенков». В ней Александр Михайлович продемонстрировал куда более обширные, чем у автора книги, знания по эвенкийской культуре и сделал ему множество аргументированных замечаний⁸⁶. Интересны высказанные в рецензии на монографию С.А.Токарева «Докапиталистические пережитки в Ойротии» возражения против концепции феодализма чуть ли не двухтысячелетней давности у алтайцев и хакасов. Приходится лишь пожалеть о том, что общая теоретическая позиция С.А.Токарева названа в этой публикации «антиисторической», а в последнем ее абзаце говорится: «Автор (С.А.Токарев. — О.А.) присоединяется к осужденной практикой советского строительства, враждебной нам и гнилой теории о якобы положительной роли родовых пережитков в колхозном строительстве. Политический вред этой "теории" неоднократно разоблачался в нашей печати»⁸⁷.

Упомянем также в целом положительную рецензию на монографию П.П.Ефименко «Первобытное общество», где в полной мере проявилась огромная археологическая эрудиция Золотарева, а также рецензию на книгу А.Хрдлички о заселении Америки и Австралии, в которой продемонстрирована широкая осведомленность в области палеоантропологии⁸⁸. Немало сил вложил Золотарев в рецензию на русское издание трудов Э.Тэйлора, объединенных под названием «Первобытная культура»⁸⁹. Высоко ценя достижения знаменитого английского ученого, он сурово порицал издателей, в первую очередь В.К.Никольского, за эклектическую подборку материала, необоснованные купюры, искажения мыслей автора при переводе, а также поверхностное и изобилующее ошибками предисловие. По хранящейся в архиве ИЭА переписке Александра Михайловича с сотрудниками редакции «Вестника древней истории» можно заключить, что опубликовать такую рецензию в полном объеме стоило немалых усилий и нервных затрат.

Как представляется, два главных устремления А.М.Золотарева, четко прослеживающихся во всех его трудах (опубликованных и неопубликованных), — доказать единообразие развития человеческих обществ на ранних этапах истории, а также выстроить явления мировой культуры и социальной жизни в жесткой стадиальной последовательности — не выдержали проверки временем. Он способствовал утверждению в устной и письменной советской научной традиции многих идеологически нагруженных формул (у него их черпали годами), которые с большим трудом преодолевались вплоть до недавнего времени и, пожалуй, не совсем вытеснены до сих пор. Тем не менее подлинные заслуги Золотарева перед наукой велики, и в полном объеме они, пожалуй, все еще скрыты от внимания коллег.

Заслуги эти, на мой взгляд, состоят не столько в глобальных теоретических построениях, сколько в аналитической обработке, систематизации и внедрении в научный оборот гигантской этнографической информации, а также в рассыпанных в его публикациях и рукописях аналитических заключениях, прозрениях, предположениях, догадках, высказанных по самым разнообразным проблемам этнологии бесписьменных обществ и в дальнейшем блестяще подтвердившихся. Сводка таких заключений, прозрений и предположений потребует долгого кропотливого труда, но работа эта стоит усилий, так как отдельные проблемы, оригинально решавшиеся или ставившиеся в работах Золотарева (вроде происхождения аборигенов Австралии, смысла и функций их брачных классов, исторического соотношения упряжного собаководства и транспортного оленеводства в Сибири, выделения хозяйственных типов охотников и оленеводов «Амеразии», происхождения малайской системы терминов родства, функциональной связи избегания и подшучивания в бесписьменных культурах и т.п.), лишь на первый взгляд кажутся частными, а по сути таковыми не являются.

Не потеряли также своего значения его археологические исследования на Дальнем Востоке, не устарели обширные полевые этнографические материалы, все еще лежащие необработанными в архиве, не может устареть основанная на его собственных полевых данных монография об ульчах, и в первую очередь обстоятельно аргументированные выводы о сложном этногенезе этого маленького народа. По моему глубокому убеждению, именно такие выводы, открытия и прозрения, опирающиеся на конкретную эмпирическую базу, а не тщетные попытки протянуть одну красную нить через всю историю человечества обеспечивают прогресс нашей науки.

В заключение мы должны с благодарностью вспомнить покойную вдову А.М.Золотарева Александру Евсеевну Золотареву, которая бережно сохранила его личный архив и в образцовом порядке передала Институту этнографии АН СССР; покойного Л.А.Файнберга, ведущего научного сотрудника этого института, который предпринял первичную систематизацию упомянутого архива и опубликовал, снабдив вдумчивыми комментариями, «Родовой строй и первобытную мифологию»; покойного С.А.Токарева, ученого, принадлежавшего к одному с А.М.Золотаревым поколению, самого прославленного советского этнографа, который перед опубликованием провел первичное редактирование текста рукописи этой монографии; покойного В.Н.Басилова, одного из выдающихся сотрудников ИЭА РАН следующего — более молодого — поколения, который инициировал работу по изучению творческого наследия А.М.Золотарева.

Считаю своим долгом выразить личную признательность за помощь при подготовке этой статьи сыну ученого — Дмитрию Александровичу Золотареву, сотруднику кафедры этнологии МГУ С.П.Полякову, а также сотруднице ИЭА И.А.Кремлевой.

¹ Золотарев А.М. Карл Каутский и марксизм. — Большевик Украины. 1928, № 6, с. 34—40.

² Золотарев А.М. Происхождение экзогамии. — Известия ГАИМК. 1931, т. 10, вып. 2-4, с. 1-85.

³ Вот перечень наиболее крупных из неопубликованных работ А.М.Золотарева, хранящихся в его личном фонде в ИЭА: «Патрилинейность и матрилинейность у аборигенов Австралии», «Из истории материальной культуры на севере Америки и в Азии», «Развитие брака, семьи и рода», «Общественные отношения родового общества», «Пережитки дуальной организации в Древнем Египте», «Материалы к археологии Нижнего Амура (в соавторстве с М.Воеводским)», «Древнейшие судьбы Приамурья», «Очерк истории родового строя», «К вопросу о происхождении рода». Фонд Золотарева до сих пор не обработан и не описан.

⁴ Одна автобиография содержится в «личном деле» А.М.Золотарева, хранящемся в архиве петербургского Института истории материальной культуры (АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 299). Другая поступила ко мне от сына ученого, Д.А.Золотарева, в виде ксерокопии. Она была получена им от покойного В.Н.Басилова, место хранения оригинала неизвестно. Данные этих автобиографий несколько расходятся, при разночтениях мы опираемся на первую.

⁵ АИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 123; ф. 2, оп. 3, д. 299; ф. 35, оп. 5, д. 75 и 122.

⁶ Именно с этими дисциплинами была связана его первая публикация, см. примеч. 1.

⁷ Автобиография. — АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 299, л. 5—6.

⁸ Там же, ф. 35, оп. 5, д. 122, л. 6.

⁹ Там же, л. 7.

¹⁰ Там же, л. 16.

¹¹ А.З. Этнография в Москве. — СЭ. 1934, № 3, с. 118—119.

¹² АИИМК, ф. 2, оп. 3, д. 229, л. 6, 8.

¹³ Была издана как монография через много лет после его смерти: *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

¹⁴ Следственное дело А.М.Золотарева. — Центральный архив ФСБ. Ф. Военная прокуратура, 1942, д. 3996. Со следственным делом ознакомился сын ученого Д.А.Золотарев, который предоставил краткие выписки составителю сборника.

¹⁵ *Золотарев А.М.* 35 дней в фашистском плену. — Смена, март 1942, № 6, с. 18—19. Статья была перепечатана в ЭО (1995, № 2, с. 3—6, публикация В.Н.Басилова).

¹⁶ Следственное дело А.М.Золотарева.

¹⁷ Справка военного трибунала Московского военного округа от 31 июля 1957 г. № н-1956/ос.

¹⁸ См.: *Артемова О.Ю.* Послесловие. — Максимов А.Н. Избранные труды. М., 1997, с. 456—460; *Артемова О.Ю.* La société traditionnelle des aborigènes d'Australie dans l'anthropologie soviétique. — Regards sur l'anthropologie soviétique. Cahiers du Monde Russe et soviétique. Vol. XXXI (2—3), 1990, p. 431—441; *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998; *она же.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнографической науки: конец 1920-х—начало 1930-х годов). — ЭО. 2001, № 3, с. 101—120.

¹⁹ Автобиография из личного архива А.М.Золотарева.

²⁰ Например, он утверждал, что аборигены Австралии ко времени колонизации находились накануне мощного революционного переворота, старики лишь с помощью «кровавого религиозного террора» удерживали свою власть и привилегии, но «тотемический строй» был обречен. См.: *Талстов С.П.* Проблемы родового общества. — СЭ. 1931, № 3—4, с. 96—97, 100.

²¹ *Преображенский П.Ф.* Первобытный монотеизм у огнеземельцев. — Ученые записки Института истории РАН ИОН. М., 1929, т. 1, с. 35—46.

²² *Эйдельман Г.* Первобытный коммунизм и первобытная религия. М., 1923.

²³ *Золотарев А.М.* Происхождение экзогамии, с. 8.

²⁴ *Максимов А.Н.* Теория родового быта. — Сборник в честь 70-летия Д.Н.Анучина. М., 1913, с. 100—120.

²⁵ *Артемова О.Ю.* Еще раз о «родовом быте» и об австралийской контроверзе. — Ранние формы социальной организации. СПб., 2000, с. 25—56.

²⁶ *Золотарев А.М.* Происхождение экзогамии, с. 31.

²⁷ *Бахта В.М., Сенюта Т.В.* Локальная группа, семья и узлы родства в обществе аборигенов Австралии. — Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 68—90; *Бутинов Н.А.* Разделение труда в первобытном обществе. — Проблемы истории первобытного общества. М., 1960 (ТИЭ, нов. сер., т. 54), с. 109—150; *Кабо В.Р.* Первобытная община охотников и собирателей. — ПИДО. М., 1968, с. 223—265. См. также: *Тумаркин Д.Д.* К вопросу о сущности рода. — СЭ. 1970, № 5, с. 93—101.

²⁸ См., например, материалы дискуссии о так называемой австралийской контроверзе: *Членов М.А.* Можно ли считать «австралийскую контроверзу» разрешенной? — СЭ. 1971, № 4, с. 68—71; *Семенов Ю.И.* Проблема исторического соотношения отцовской и материнской филиации у аборигенов Австралии. — СЭ. 1971, № 6, с. 101—111; *Хазанов А.М.* Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичного материнского рода. — СЭ. 1973, № 1, с. 114—121; *Крюков М.В.* Дает ли система брачных классов ключ к разрешению «австралийской контроверзы»? — СЭ. 1974, № 3, с. 60—70; *Членов М.А.* Еще раз об «австралийской контроверзе» и методике ее рассмотрения. — СЭ. 1974, № 6, с. 51—57; *Хазанов А.М.* О связи линейности и локальности с образом жизни. — Там же, с. 58—61.

- ²⁹ Золотарев А.М. Происхождение экзогамии, с. 35 и др.
- ³⁰ Там же, с. 33 и др.
- ³¹ Keen I. Twenty-five Years of Aboriginal Kinship Studies. — *Social Anthropology and Australian Aboriginal Studies. A Contemporary Overview.* Canberra, 1988, p. 99.
- ³² Максимов А.Н. Брачные классы австралийцев. — ЭО. 1909, № 2—3, с. 1—32.
- ³³ Семенов Ю.И. Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа). — СЭ. 1970, № 1, с. 57—71.
- ³⁴ Золотарев А.М. Происхождение экзогамии, с. 55.
- ³⁵ Keen I. Twenty-five..., p. 98—99.
- ³⁶ Токарев С.А. О системах родства австралийцев. — Этнография. 1929, № 1, с. 25—50.
- ³⁷ Золотарев А.М. Проблема австралийской культуры. — Сообщения ГАИМК. 1931, № 2, с. 34—36.
- ³⁸ Кабо В.Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969. В настоящее время эта точка зрения — о происхождении аборигенов Австралии от одного ствола переселенцев — не находит достаточно убедительного подтверждения, скорее, наоборот имеются основания полагать, что первая «струя» переселенцев из Азии попала на материк в плейстоцене, а вторая — в голоцене.
- ³⁹ Золотарев А.М. Проблема австралийской культуры, с. 36.
- ⁴⁰ Быковский С.Н. Предисловие. — Золотарев А.М. Происхождение экзогамии, с. 3—7.
- ⁴¹ Быковский С.Н. Предисловие..., с. 7.
- ⁴² Золотарев А.М. Кардинал Шмидт и Омар Шпан. — Сообщения ГАИМК. 1932, № 1—2, с. 18—21.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Золотарев А.М. Общественные отношения дородовой коммуны. — Первобытное общество. М., 1932, с. 87—90.
- ⁴⁵ Золотарев А.М. Новые данные о групповом браке. — СЭ. 1933, № 3—4, с. 197—204.
- ⁴⁶ Золотарев А.М. Пережитки родового строя у гиляков района Чомэ. — Советский Север. 1933, № 2, с. 57.
- ⁴⁷ Там же, с. 59—60.
- ⁴⁸ Золотарев А.М. [Рец. на:] Косвен М. Л.Г.Морган — жизнь и учение. — СЭ. 1934, № 4, с. 139.
- ⁴⁹ Золотарев А.М. Буржуазная наука и вопрос о первобытном коммунизме. — Под знаменем марксизма. 1933, № 5, с. 224.
- ⁵⁰ Золотарев А.М. Каменные орудия австралийцев (рукопись, б/г, личный фонд А.М.Золотарева в АИЭА). Мне не удалось обнаружить в печати этой статьи, хотя А.М.Золотарев писал в 1933 г., что статья сдана в печать. См.: Золотарев А.М. Буржуазная наука и вопрос о первобытном коммунизме, с. 234.
- ⁵¹ Howitt A.W. The Native Tribes of South-East Australia. L., 1904, p. 302—316; 690—710.
- ⁵² Золотарев А.М. Матриархат и патриархат у аборигенов Австралии. Работа осталась неопубликованной, на рукописи в АИЭА дата ее не указана.
- ⁵³ Radcliffe-Brown A.R. The Social Organization of Australian Tribes. — Oceania. 1930—1931. Vol. 1. № 1—4; Максимов А.Н. Материнское право в Австралии. М., 1930.
- ⁵⁴ Быковский С.Н. Предисловие..., с. 3.
- ⁵⁵ Золотарев А.М. Общественные отношения..., с. 103—104.
- ⁵⁶ Максимов А.Н. К вопросу о тотемизме у народов Сибири. — Ученые записки Института истории РАНИОН. М., 1928. Т. 7, с. 3—14.
- ⁵⁷ Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. М., 1934, с. 32.

⁵⁸ Там же, с. 6—7.

⁵⁹ См. работы А.М.Золотарева: [Рец. на:] *Косвен М. Л.Г.Морган — жизнь и учение...*, с. 138—139; Кардинал Шмидт и Омар Шпан, с. 19.

⁶⁰ *Золотарев А.М.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф.Энгельса и современная наука. — Историк-марксист. 1940, № 12, с. 35—36.

⁶¹ *Золотарев А.М.* Новые данные о групповом браке. — СЭ. 1933, № 3—4, с. 197—204; *Radcliffe-Brown A.R.* On Joking Relations. — Africa. 1940, vol. XIII, № 3, p. 195—210.

⁶² *Золотарев А.М.* К вопросу о генезисе классообразования у гиляков. — За индустриализацию Советского Востока. 1933, № 3, с. 28—35.

⁶³ *Золотарев А.М.* Амурские орочи. — Советский Север. 1934, № 6, с. 80—85.

⁶⁴ Мне не удалось найти эту статью в печати, есть рукописный вариант в личном фонде Золотарева в АИЭА.

⁶⁵ Рукопись, хранящаяся там же.

⁶⁶ *Золотарев А.М.* Из истории народов Амура. — Исторический журнал. 1937, № 7, с. 27—40.

⁶⁷ *Zolotarev A.M.* The Bear Festival of the Olcha. — American Anthropologist. 1937, № 1, с. 37—43.

⁶⁸ *Золотарев А.М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939, с. 65—67.

⁶⁹ Там же, с. 61 и др.

⁷⁰ См. работы А.М.Золотарева: Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии. Б.м., 1938. 15 с. (перепечатано: Кунсткамера, вып. 4, 1995, с. 180—200); Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века. — Историк-марксист. 1938, кн. 2 (66), с. 63—88; Первые сведения о юкагирах и чукчах. — Там же. 1939, кн. 2 (72), с. 188—192, а также: *Золотарев А.М., Левин М.Г.* Саами (лопары). — Советское краеведение. 1936, № 5, с. 62—67.

⁷¹ *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири. Магадан, 1983.

⁷² *Левин М.Г., Золотарев А.М.* К вопросу о древности происхождения оленеводства. — Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М.—Л., 1940, т. 1, с. 171—189.

⁷³ *Золотарев А.М.* Из истории этнических взаимоотношений..., с. 84.

⁷⁴ *Василевич Г.М., Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение. — СЭ. 1951, № 1, с. 63—87.

⁷⁵ *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов севера Евразии. М., 1989, с. 146—147.

⁷⁶ *Золотарев А.М.* Исторические предпосылки формирования Homo sapiens в освещении советских археологов. — Антропологический журнал. 1936, № 3, с. 354.

⁷⁷ *Золотарев А.М.* Расовая «теория» и этнография. — Наука о расах и расизм. М.—Л., 1938, с. 40—51.

⁷⁸ *Золотарев А.М.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства»..., с. 31—32.

⁷⁹ *Золотарев А.М.* К истории ранних форм группового брака. — Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 2. М., 1940, с. 154.

⁸⁰ *Ольдерогге Д.А.* Малайская система родства. — Родовое общество. М., 1951, с. 28—66; *Крюков М.В.* Система родства китайцев. М., 1972.

⁸¹ *Золотарев А.М.* К истории ранних форм группового брака, с. 169.

⁸² См., например: *Токарев С.А.* Энгельс и современная этнография. — Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. М., 1951. Т. 3, № 1, с. 28—66; *Ольдерогге Д.А.* Малайская система родства, с. 28—66; *Семенов Ю.И.*

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф.Энгельса и современные данные этнографии. — Вопросы философии. 1959, № 7, с. 137—147. В те же годы была показана несостоятельность другого элемента моргановской схемы — опровергнуто существование семьи пуналуа, основанной на групповом браке, причем были выявлены источники заблуждения Моргана в этом вопросе. См.: *Тумаркин Д.Д.* К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII—начале XIX в. — СЭ. 1954, № 4, с. 106—116.

⁸³ *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология, с. 289.

⁸⁴ Там же, с. 297.

⁸⁵ См., например: *Золотарев А.М.* [Рец. на:] Report of the Australian and New Zealand Association for the Advancement of Science, vol. 16. Wellington, 1923; vol. 17, Adelaide, 1924; vol. 18, Perth, 1926; vol. 19, Hobart, 1928; vol. 20, Brisbane, 1930; vol. 21, Sydney, 1932; vol. 22, Melbourne, 1935. — СЭ. 1936, № 2, с. 164—165.

⁸⁶ *Золотарев А.М.* [Рец. на:] *Анисимов А.Ф.* Родовое общество эвенков. М., 1936. — СЭ. 1937, № 1, с. 193—195.

⁸⁷ *Золотарев А.М.* [Рец. на:] *Потанов Л.П.* Разложение родового строя у племен Северного Алтая. Материальное производство. — Известия ГАИМК. М.—Л., 1935, вып. 128; *Потанов Л.П.* Очерки по истории Шории. — Труды Института востоковедения Академии наук СССР. М.—Л., 1936, т. XV; *Токарев С.А.* Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936. — Историк-марксист. 1938, № 1, с. 132—134.

⁸⁸ *Золотарев А.М.* [Рец. на:] *Ефименко П.П.* Первобытное общество. Л., 1938. — Вестник древней истории. 1939, № 2, с. 107—114; *Hrdlička A.* Melanesians and Australians and the Peopling of America. L., 1935. — Антропологический журнал. 1936, № 3, с. 364—366.

⁸⁹ *Золотарев А.М.* [Рец. на:] *Тейлор Э.Б.* Первобытная культура. Пер. с англ. под ред., с предисл. и примеч. В.К.Никольского. — Вестник древней истории. 1939, № 3 (8), с. 138—142.